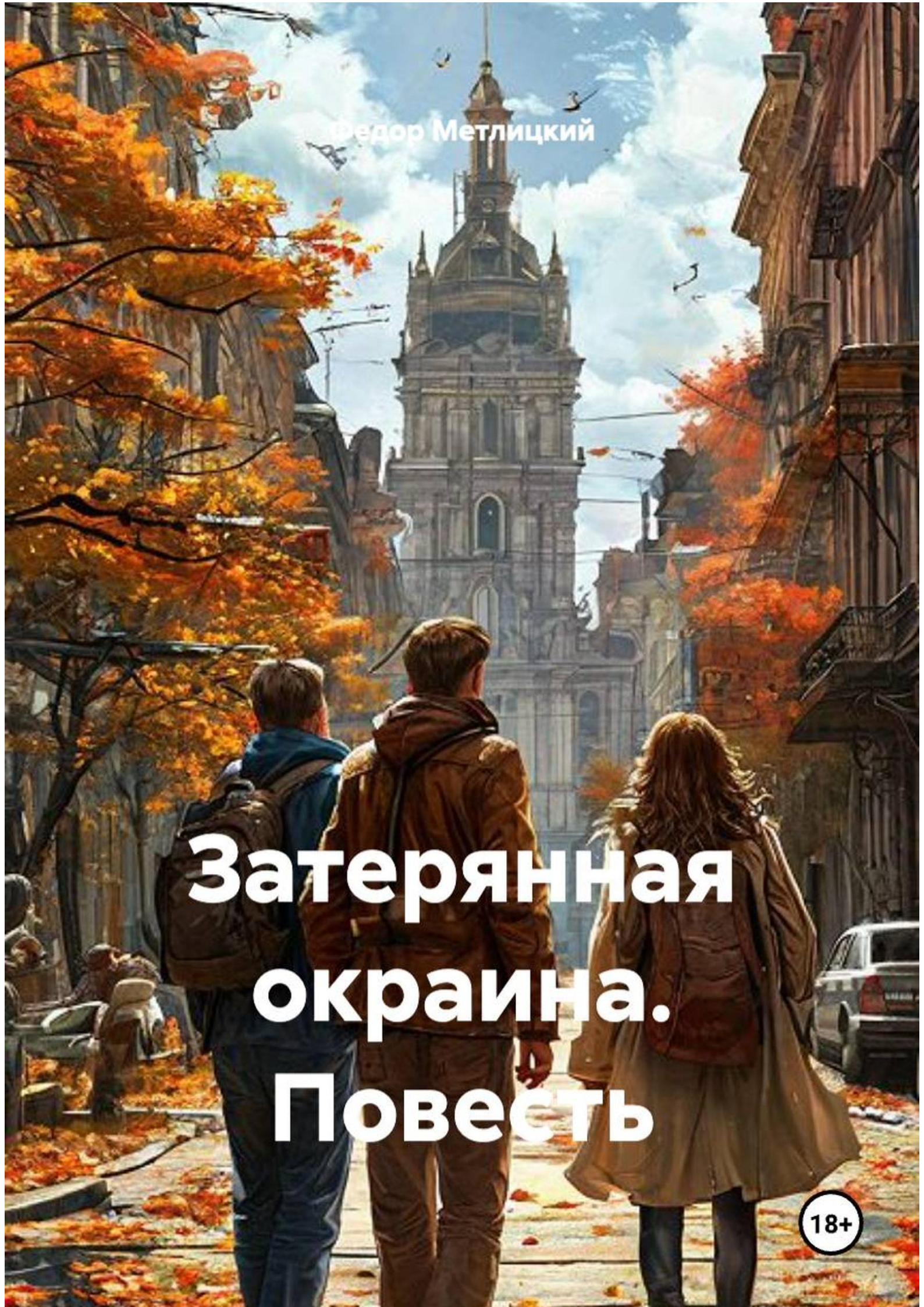

Федор Метлицкий

Затерянная окраина. Повесть

18+

Федор Метлицкий

Затерянная окраина. Повесть

«Автор»

2026

Метлицкий Ф. Ф.

Затерянная окраина. Повесть / Ф. Ф. Метлицкий — «Автор»,
2026

Начало XXI века. Герой, посланный в командировку с другом-либералом агитировать перед выборами, в нетронутой окраине находит желанную страну. Там люди не такие, как в городе, - открыты и наивны, организовали самоуправление. Он с другом и политологом с энтузиазмом помогает им отстаивать свободу. Там он полюбил местную девушку, чистую и откровенную. Но после разгона демонстрации его друг-либерал помогает ей уйти, и соблазняет ее.

© Метлицкий Ф. Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть I	6
I	7
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Федор Метлицкий

Затерянная окраина. Повесть

Глава

Москва, 2017

Действие повести происходит в самом начале XXI века. Герой, посланный в командировку с другом-либералом агитировать перед выборами, в нетронутой окраине находит желанную страну. Там люди не такие, как в городе, – открыты и наивны, борются за самоуправление. Дружью с энтузиазмом помогают им отстаивать свободу. Там он полюбил местную девушку, чистую и откровенную, и она его. Но после разгона демонстрации его друг-либерал помогает ей уйти, и соблазняет ее.

Часть I

I

*Провинция нетронуто звенит
В душе народной воздухом доверий –
Откуда-то из древних вер возник
И не исчез, и обновленьем веет.*

Это были те шаткие годы, перед выборами, которые последовали после «нулевых». Я ехал в провинциальный город на экономический форум в качестве приглашенного от общественных организаций, заранее представляя торжественное сборище ожидающих чего-то людей и скучные глобальные постановления. Не знаю, зачем, и с какого боку там нужен. Но я мечтал и боялся туда ехать, по другой причине.

В окне вагона за городом проносилось скопление халуп с клочками огородов, их владельцы пренебрегли чувством прекрасного – ради урожая. И вот уже – зеленое кружение в окне однообразных молчаливых лесов и полей, волнующих, может быть, напоминанием о первозданном лесном лоне предков. Почему так изменяет настроение этот оптический обман?

В купе напротив – молчаливые соседи, едут домой – красивая студентка и ее отец с бородой, угнетенный чем-то, как предприниматель, у которого отобрали бизнес.

Утомительно долго лежу на узкой полке, потряхиваемой на рельсовых стыках, в экзистенциальной тяжести тела. Отвлекаюсь чтением книжки старого философа, божьего одуванчика. Он нашел бессмертие в некоей сущности души, соединенной в вечном заливе душ – цельности мироздания, вечно пополняемой и не убывающей, – если кто-то гибнет, общий баланс сохраняется. Люди отпали от цельности мироздания, начиная с Адама и Евы, и потому из-за этого отпадения случаются катастрофы, вплоть до экологических.

Вспоминаю свое детство в затерянном на краю света городке, возвышающемся над ослепительным заливом. Зброшенный, доведенный до суровой простоты советский быт, с магазинами «Хлеб», «Продукты», «Ткани». Нравы тоже были просты, не выходили из предписанных условий, вернее, их не замечали.

Очарованием, как залив, были классики, в библиотеке отца, которых читал запоем. Они уводили от нашего естественного существования в широкий мир, и уберегли меня от грубых нравов улицы.

Потом был институт, наполненный ожиданием. И Она пришла. Испытывая странный недуг любви и ревности, я бродил с ней вдоль Москвы-реки, страстно и безнадежно целовал ее, казалось, холодную и равнодушную, – она отвечала мне нехотя, видимо, считая меня мальчишкой, не способным к серьезной жизни. После окончания института она, не сказав ни слова, уехала по распределению – туда, куда я сейчас еду, на окраину далекой провинции. Там она и исчезла. Где ты, юность, такая отчаянная, как отвергнутая любовь? Перед массовым одичанием так хотела остаться собой!

В начале нового века я очутился совсем в другом мире развалившейся империи, где не понадобились ни классики, ни моя духовность (не считая детского страха). Но она помогла не пойти по трудному пути «челноков» и предпринимателей, и я, как многие другие, ничего не умея делать, нашел себя в сфере общественной деятельности, создал свою организацию, в которой хотел соединить гуманизм и практику.

Моя независимая общественная организация – фантом, созданный в результате постоянных усилий, который стал известен широкому кругу узкой общественности, и теперь не исчез

нет, если бы даже в организации остался один я. Уже трудно стало удерживать ее на плаву – все время искать новые пути, чтобы не рухнуть в нищету и безвестность, обеспечить сотрудников зарплатой, отдавать энергию на преодоление мелочей (некогда даже сходить в туалет), – без тщательности в мелочах нельзя поддерживать заказы на должном уровне, быть порядочной организацией.

Меня угнетала дистанция между мной и сотрудниками, которую я установил, ибо сближение вредит делу. Поэтому видел их замкнутыми, не замечающими, как обидно задевают локтями, из тех, кто, скрывая глаза, поспешно проходит мимо сбитого пешехода на дороге.

Соратники по нашему общественному движению тоже жили своими интересами, хотя объединялись на тусовках странным интеллектуальным общением, не дававшим удовлетворения дружбы. Я такой же. Только в общении с женщинами – загадка! – открывается фонтан влекущей искренности и юмора.

В новостных программах телевидения, казалось, те же обособленные в себе люди превращались в демонстрантов или в разгоняющих несанкционированные сборища. Опрос населения обнаружил странные цифры: подавляющее большинство, было ясно даже до опроса, не принимало, как пришедшее зло, развал империи, приватизацию. Оно томилось в бездушии построенной системы, статистически подсчитывающей даваемые блага населению, как среднюю температуру по больнице. В тумане прошлого казалось чудесным, как молодость, время минувшего режима.

Политологи, горячась, бросали в мир странные идеи, напластованные прошлыми и незрелыми нынешними мыслями. Субъекты рыночных отношений, любители пожить, недавно восстав из советской нищеты, играют в политические игры, перестают сострадать и даже понимать тех, кто, как и они раньше, трудно выживают в поисках пропитания, даже идя на преступления. Сытые правят миром! В них, да и в лузерах заросло то место, где чувствуешь боль в сочащемся кровью мире, и возможность озарения чем-то иным. Не осталось и частички бессмертия.

– Что такое? Опять негодую! – смешил я окружающих серьезным видом после очередного преступления против человечности. – Как они отвратны, деловитые киллеры свободы! И консервативно голосующее население. Не доросло до свободы. Негодую!

Что-то тревожное сгущалось в настроениях электората. Или это только кажется – в кружковом негодовании, на коротком отрезке времени объявленной модернизации? Мы ждали близкого взрыва в обществе. Усилилось словесное раздражение происходящим, в блогах и независимой печати по-диссидентски собирали изумляющие факты бездушия чиновников, и верили в проекты организованного саморегулируемого гражданского общества.

– Это уже невозможно – теряем страну! – говорили соратники. – Ты едешь в провинцию. Там здоровые силы. Оцени изменение обстановки на местах. Мы должны подготовиться к выборам.

Я не ощущал бодрости в себе. Ближние пристрастно вгрызались во время, вернее, в его блага, создавая историю, а я тащил служебную лямку, с потугами выживания, в случайных связях с женщинами в опасении породить семью, вернее, узкую колею судьбы. Словно переживал деловитую суету времени, внешне успешный, но с ощущением полного проигрыша.

Что со мной? Безразличие перед последним днем битвы за души человечества, или исчерпание одной из ветвей энергии вселенной? Почему постоянно ощущаю вину от чего-то, словно не жил достойно?

В сущности, внутри меня, с тех пор как уехала моя любимая, все застыло, как в черной дыре рока, откуда не выбраться с помощью общественных тусовок, – то, к чему боюсь прикоснуться.

*Отошедшая жизнь – наша молодость
У метро – осенним леском.
Твои ножки, не зная о холоде,
Словно в сказке, кружили легко.
Странно – я в полноте современной
Умираю в том дальнем лесу,
Словно жизнь твою чисто, нетленно
За стволами в глубинах несущу.*

Я, трагически гордясь, не видел выхода. Но иногда вырисовывались надмирные смыслы моей жизни. Мог заплакать от иллюзии, возносящей меня из тени обыденности в некий мир бездонной новизны, назовите это хоть «цельностью мироздания». Вспомнил недавнюю телепередачу о ледяных кольцах Сатурна, дивной бездне кривизны, порожденной катастрофами во вселенной. Если неизбежны катастрофы в солнечной системе, то почему не должна быть неестественной гибель человечества на Земле, обращенной в белую ледяную пустыню? Вместе с философом-одуванчиком и его музой-женой, их бессмертным заливом душ.

Это «вознесение» в бездонную новизну и есть бессмертие, миг, который может провалиться в яму обыденного сознания, или прямо в смерть.

Почему приходит трезвость, говорящая о пустоте смыслов? И тогда люди, и все, что вдали от моего центра сознания, воспринимаются слитно, ничем не отличаясь. Только проникновение в себя – тяжким усилием – позволяло догадаться, что происходит в другом. И тогда, в минуту озарения, начинал видеть людей изнутри, – волнующимися, с угрозой гибели, близко – у сердца! И тогда постигал реальность.

Утром пытался преодолеть себя бодрой зарядкой, но было ощущение, что делаю движения вхолостую.

Я погибал, и командировка была спасением.

И вот полет – в неведомое впереди воскрешение энергии, может быть, страх увидеть любимую, а на самом деле надежное потряхивание поезда. Я воскресаю только когда вижу незнакомые места.

Что я знаю о том крае? До этого настроения новизны у меня было предубеждение. Там сплошная коррупция. Администрация, прокуратура, суды повязаны между собой, нацелены на крупные корпорации, дающие откаты, а малый и средний бизнес занят лишь выживанием. Из-за дикого строительства исчезают нетронутые места и речки, растворяются малые народности с их чудной символикой реинкарнаций, гениально просто устраняющей одиночество. И все же я знал, что найду что-то нетронутое, чистое.

У едущих в поезде – простые цели, из житейских проблем, у меня – увидеть какой-то просвет, обновиться, что-то понять. Для чего – не знаю. Может быть, там, а не в крикливых сборищах, – истина?

2

Утром вышли в чистый вокзал с высокими сводами потолка, до удивления красивый. Гостей форума уже встречали: приятный пожилой директор известного агрохолдинга, с уложенной пеной-фиксатором прической, как для фотографии, с живыми черными глазами, и представительница местной общественной организации - девушка с быстрым беспокойным взглядом. На ней был легкий сарафан, открывающий загорелые плечи.

Из приехавшей толпы встречающие выявили еще одного, представителя оппозиционной партии с копной черных вьющихся волос на голове, веселыми глазами и гламурной щетиной на лице. Это был пригласивший меня на форум приятель по политическим тусовкам Аркадий.

На сиденье автомобиля лежали зеленые рюкзаки – презенты для нас, в них документы, зеленые рубашки и кепи с козырьком, с эмблемой форума. Таких рубашек и кепарей с разных конференций у меня десятки на даче.

Мне было неловко – не нужен я здесь. Кажется, нас встречали как потенциальных реви- зоров. Ощущение Хлестакова добавляло неловкости.

Директор, за рулем, разговаривал с севшим впереди Аркадием – представителем набрав- шей силу оппозиции. Его пригласили, потому что не знали, чья возьмет на предстоящих выбо- рах.

Девушка, рядом, обернулась ко мне своим смешливым курносым личиком.

– Был тут у нас чин. Застегнутый, не разговаривал. Вы такой?

Я сделал строгий вид.

– А как же!

Она развеселилась.

– Мне предложено сопровождать вас до конца командировки. Меня зовут Светлана. Я русская, но у меня местные корни аборигенов.

– Будете моим Вергилием?

На ее загорелом лице удивление.

– Кем, кем?

– Вернее, Беатриче.

– Это лучше. Пусть будет еще одно имя.

Она засмеялась, и мне стало легче.

Необычно яркий день ослепил первым днем творения. Так вот он, чудесный день, избав- ление от моей прошлой жизни, словно оказался на берегу неведомой планеты.

На пути, по сторонам потока машин, за глухим забором громыхали вездесущие стройки, сопровождавшие всю мою жизнь, отчужденно от нас шумел город. Он поразил своей чистотой, длинными неуютными дорогами, продуваемыми на розе ветров площадями и зданиями-ново- делами частных застройщиков–наторишей. Провинция, из беспамятства долгого обморока выбирающаяся куда-то. Это был уже уверенный мир, расширяющий свои владения, усложня- ющий различия и связывающий их, уходя во мглу новой утопии.

Впереди Аркадий вертел головой в шапке кудрявых волос, как бы не веря тому, что видел. Комментировал уверенным наглым голосом:

– У вас сплошь филиалы столичных торговых сетей!

Здесь совсем не то, что мне представлялось раньше! Оправдывалось мое смутное жела- ние – ощутить наивную открытость провинции.

– У нас двести дней в году – солнце, – дружелюбно оборачиваясь ко мне, сказал директор. В нем ощущалась сдерживаемая добрая энергия, растапливающая мой настрой чужака.

– Мы вас поселим в чудесном пригороде, в наших Черемушках, за мостом. А сейчас прямо на форум, опаздываем.

Подкатили к величественному белому дворцу Правительства – «Белому дому», говорящему о гордыне местной элиты, подстраивающейся под общую горделивую тенденцию государства.

В солнечном утре было какое-то напряжение. Вдали, за оградой дворца цепочкой стояли омовцы в касках и с дубинками, колыхалась толпа, на высоко поднятых баннерах я различил непонятные надписи «Отдайте санаторий народу!», «Кибиров, уходи в отставку!», «Власть самоуправлению!». Здесь, как и по всей дороге, стояли постовые милиционеры.

– Это стояние наших на площади, – бойко сказала Беатриче.

Белая разлиновка придворцовой площади ранжировала автомобили «винов» и остальной массы. Без этого порядка невозможно было бы обуздать толпу прибывающих людей.

Оставив вещи в машине, мы поднялись на прозрачном лифте в конференц-зал.

У столов регистрации делегатов людно.

Матерые чиновники-руководители, потеющие в костюмах с галстуками, и ухоженные независимые общественные деятели, привычные к подобным мероприятиям («винов» из центра не было, их увели в почетную комнату президиума).

Мелкие чиновники – в подавляющем большинстве, принимающие с восторгом и почтением это высокочтимое мероприятие, не видящие в нем ничего, кроме приобщения к грандиозному общезначимому действу.

Независимые частники – люди бизнеса «себе на уме». Много молодых людей, без галстуков – признак новых веяний, и робких студентов, прикрепленных к «винов» и обслуживающих остальных делегатов.

Сколько народу, верящего в незыблемость происходящего! Убежденные в необходимости таких собраний люди представители различных отраслей, лучащиеся проектами общественники! Форум пригласил гостей даже из смежных восточных стран.

Для меня это привычно: часто безоглядно ввергался в лучезарные намерения подобных форумов, конференций, расширенных совещаний, еще с эпохи тоталитаризма отлившихся в торжественный ритуал. Хотя в наше время возникли такие средства связи, в том числе видеоконференции, телемосты, что подобные сборища должны бы отмереть.

В незнакомой среде я жался к Аркадию, с приятелем было надежнее. Он был, как и приехал, с гламурной щетиной на лице, в джинсах и пиджаке, под ним только модная белая майка, из уголка треугольного выреза курчалась волосатая грудь. К нам прицепился его противник по партийной борьбе политолог Гурьянов, с острым носом на худом лице и бегающими точками глаз в круглых очках с черной оправой, аккуратно одетый, в карманчике белый уголок платка. Его сухое личико было напряжено, словно готовое к смертному бою.

Позади моя Беатриче – разбитная Светлана.

Тема форума была всеобъемлющей – о модернизации региона. Нам роздали красивые папки с документами – программами форума и сценариями круглых столов, проектами рекомендаций и постановлений. В них был гляцевый журнал «Приглашаем к сотрудничеству!». Это был глянец успешных дел и больших перспектив, «энергичного экономического пульса» края, бодрые отчеты министерств, комитетов, деловых советов. И множество цветных фотографий руководителей страны, края и предприятий-флагманов.

Привычные документы форума сочинялись старательными исполнителями аппарата обычным нормативным сленгом, скрывающим трудности экономики и существования людей за округлыми фразами об улучшении, содействии и т.д. Абстрагированные шаблоны сущностей, когда-то сформулированных экономистами и партийными функционерами. Но документы светились командировочной новизной.

Участники, не задействованные в сотворении этих текстов, были заранее настроены на принятие знакомых фраз, и оттого невозможно было вырваться из скучной торжественности события.

В президиуме расселись по ранжиру руководители центральных и местных министерств, вел заседание молодой замминистра с черными волосами нацмена, энергичный и словно навсегда уверенный в уместности его пребывания на земле.

В перерыве после открытия форума мы вышли покурить у входной двери Белого дома (во всем городе запрещено курить в помещениях). За оградой, за рядами омовцев что-то выкрикивала толпа с колышающимися над головами плакатами.

Молодой черноволосый замминистра, тот, что вел заседание, вышел, показалось, вслед за Светланой, его энергичное лицо было решительным.

– Как вам форум? Выдержали достойный уровень. И перед иностранцами не стыдно.

– Просто они не знают языка, – непринужденно сказала Светлана, беря сигарету из моей пачки.

Он глянул раздраженно, показалось, что они знают друг друга давно.

– Что ты хочешь сказать?

– А то, что ваш форум не для людей, – поразила она бесстыдной откровенностью.

– Мало тебе вызовов в прокуратуру? Ищешь приключений на свою симпатичную попу.

Я удивился, но не подал вида.

– Показуха! – поддержал Гурьянов. – Стоит отъехать в глубинку...

– Но, но! – осадил его Олег бодрым мальчишеским голосом. – Не агитируй электорат, его здесь нет.

Замминистра был спокоен, видимо, закаленный обличениями, хотя его юмористический тон исчез.

– Как можно так слепо бить наотмашь! Сколько сделали, разуйте глаза, посмотрите на город, на наши совхозы-передовики! Регион перестал быть донором. Я несколько лет не был в отпуске.

– На то ты начальник, – уязвил в самое сердце Гурьянов. – Пока народ в нищете, он не замечает ваших успехов.

Светлана хмуро молчала.

– Дело не в вас, – доверительно сказал Аркадий. – Не в том тоне начался форум.

Замминистра бросил сигарету под ноги и круто повернулся.

На пленарном заседании моя Беатриче весело сказала нам:

– Дальше все известно. Может, выйдем перекусить? На халяву. Вот, вместе с моей подружкой.

Красивая толстушка с круглым лицом и черными бровями – контролер известной в городе и области кондитерской фабрики, застенялась.

– Эльнара.

– Редкое имя, – снисходительно улыбнулся Аркадий. – Давайте все по имени, чего там.

– Эльнара по древне-мусульмански «Свет родины», – сказала Светлана. – Но можете называть ее «Сладкой женщиной». Хотя она у нас неприступна.

Та покраснела, бросила недовольный взгляд на подружку.

Вышли и побрели по этажам в поисках халявного буфета для участников.

Светлана вертелась, похихатывая. Эльнара дергала ее за рукав.

– Ну их. Я тоже была чиновницей. Пыталась внести в программу что-то живое. Вывести на чистую воду тех, кто изгадил природу, распродал берега и острова. Но они не приняли,

только странно посмотрели. И выгнали, не знаю почему. Работала честно, говорила, что думаю. А они набросились. Что ни сделаю, все подсудно. Что за характер такой?

Она, словно танцуя, выговаривала слова четко, с беспечной, безоглядной откровенностью, что придавало ей очарование.

– Вы не подумайте, – защищала подругу Эльнара. – Она у нас известная общественная деятельница. И главный эколог, и правозащитник.

Аркадий с видом ловеласа держал Светлану под руку. Я любовался ее непринужденностью. У нее, наверно, стандартные мозги. Но привлекали голые плечи, загоревшие в турпоездке в Анталию.

Я пытался разговорить бесстрастную Сладкую женщину - отвлечение от голых плеч моей Беатриче, но та была немногословна.

Обедали в шикарном ресторане, с цветами в кашпо, вьющимися по стенам, каждый столик уютно отделен бежевыми деревянными стенками, в приятной полутьме звучит тихая музыка. Настоящий райский уют!

За столом руководства командовал густым голосом тамады энергичный замминистра.

Напротив наш стол, за ним разговаривали Аркадий и встретивший нас маленький энергичный директор агрохолдинга «Разинский». Как нам рассказали, он начинал с нуля, взял кредит, приобрел земли для выращивания экологически чистых овощей и картофеля, без помощи властей каким-то чудом арендовал дополнительные мощности, хранилища, купил европейское оборудование по сухой чистке, калибровке и расфасовке продукции, и поднял предприятие до всероссийского уровня, его фуры показывали на боках огромные рекламные логотипы по всему городу. Теперь агрохолдинг считался гордостью края.

Рядом со мной опасно задевает голым плечом моя Беатриче, болтая с подругой. Сбоку смиренно сел известный краевой писатель, лысый старик с добрым раздавшимся лицом и седыми кустами бровей, его книга о природе и людях края была в папках делегатов. Около него скромно приютился крестьянского вида защитник лесов, поразивший меня своей независимой программой «окедривания» города. Предельно простой: по одному саженцу каждому школьнику – и город будет в кедровом лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.